

Андрей Травда

*ПОЛНОЕ СОПРЯТИЕ
МОЩНЕБЕЛОВЫХ
ЯГОД*

АНДРЕЙ ПРАВДА

ТОЛЬКО ГОРСТЬ
МОЖЖЕВЕЛОВЫХ
ЯГОД...

СТИХИ

Творческая мастерская АЗ
Кемеровский
государственный университет
1995

ББК 84.Р7
П68

* * *

Может быть, не стихи?
Только горсть
Можжевеловых ягод.
Сине-черных и легких,
Как капли тоски...
Только запах смолы,
Только горечь во рту...
Только в милом лесу
Золотые стволы...

1984 г.

4702010202
П ЛР-020464-95 04 -Без объявл.
03 1992
ISBN 5-202-00085-5

© А. Правда, 1995
<б> В. Чумачаков, оформление, 1995

ТЫ ЕЛА ЯБЛОКИ,

Ты ела яблоки, а я их вынимал
Из ящика, и пахло летом...
А тополь за окном последний лист терял
— Украденный и уносимый ветром...

А стружка ослепительно бела!
И яблоки в ней яростно горели.
Ты с ними заодно тогда была —
У осени — в морозной акварели.

Глаза — огромны — хороши!
А губы беспощадно алы!
Тебя у суеты менялы
Я выменял на все мои гроши.

Сидел, гадал — чего б они хотели?
И точно знал — чего бы я хотел,
Рожденный в голубом апреле
И заплутавший в рыжую метель.

Ты ела яблоки,
И пахло летом...
И ты любимой была,
А я — поэтом...

1981 г.

Колючки, пыль, жара на взлете
И высота сухим глотком.
Орел в медлительном полете.
Гора коричневым горбом.

Здесь дно ручья когда-то было,
Теперь жаровенный песок —
Бойтся, чтобы не остыло —
Кует кузнечик — бьет в висок...

Пиалы голубой и влажной —
Вот все, чего желал бы я...
Жжет ноги и горит от жажды
Такырная соленая земля...

Чем жил я с ней?
Чем мне она близка?
Страданием корней
Среди сухих камней,
Где в глубине река.

1982 г.

* * *
В бездонно сырую синь
Повернуто ровное поле.
Молчание раннее, полное
Уткнулось в сухую полынь.

Молчит, задыхаясь от силы
Степных черно-пашенных рук,
И ждут напряжения жилы,
И зреет раскатистый звук.

Лишь зреет — еще не начало,
Но где-то в глуби существа
Уже шевелилось, качалось
И... туго вилась тетива!

И лезла слепая трава
В весеннюю зябкую мякоть,
Где солнца гончарного круг,
И летние формы роятся
Над творческой глиною мук...

Туда мне и стременем
брякать!

1982 г.

* * *

Дрожащее сонное марево...
Солнце в селении сгружено...
Да богом забытое кружево —
Иссохшее карее дерево.
Здесь время, наверно, убито —
Свисает в унылом покое
Гуденье пчелиного зноя,
Разящего слепо, открыто...

Но отведен зенита знойный меч,
Курится черная обугленная печь,
Солоновато млеет в горле речь.
Под сенью вечера так хорошо прилечь!

Солоноватый привкус речи...
Медлителен вечерний чай...
Дым полукруглой древней печи —
Лепешек теплых подавай!
День прожит вестью... Ужин
Гостей уставших встретить рад!
И переводчик нам не нужен,
И сладок черный виноград!

1982 г.

6

Зубами очисти апельсин,
Чтоб во рту стало горько
От корки,
Чтобы сласть апельсиновой дольки
Показалась сильней...
Чтобы запах
Далеких морей
Влился в грудь
Без путевок и виз —
Марроканского берега бриз...

1982 г.

2 Андрей Правда

* * *

Только осень со мной —
Осень серой рекой
Размывает поблекшие краски...
И сейчас на губах вкус утерянной ласки..
Увядания — отзвук...
Покой.

За слезливым стеклом
На балконе моем
Замерзают лиловые астры,
Да трубы водосточной
Проржавленный раструб
В битве влажной
С холодным дождем...

1982 г.

10

* * *

Цветет гроза,
И темно-фиолетово
Дыханье окон.
Комната моя
Зачем-то спит,
Качаясь на стеблях
Глухой травы.
И кажется,
Что тишина нам будет смертью..

А я читаю
Библию...
И Солнце...
И несказанно светел,
Плывет ночник.

Гроза цветет
Среди рукоплексканья
Листов
И пыльного стекла
На развороте воздуха.
Готовы прозвучать слова
О том, что мир
Печален...

И тишина нам будет
Просто смертью!
Когда не скажем
Что-нибудь друг другу.
Не скажем так,
Как подают
Руке испуганной
Испуганную руку.

1984 г.

11

2*

* * *

Черный кофе
В белой
чашке.
Небо вешнее
— У пташки.
Глазки синие
У Машки...
И дыра
На локотке.

1984 г.

НОЯБРЬ

Скользят
Веселые коньки.
Сквозят
Несильные морозы.
Такие
Славные деньки!
А воздух,
Словно куст мимозы.
И задыхаясь,
Снова в бег!
— Догнать,
Упасть ли,
рассмеяться ль..
Спеши!
Ведь все спешит
меняться
— И грудь пруда
Укроет снег...

1986 г.

* * *

Большая звонкая луна
Упала в бочку с вешним ливнем.
Но отраженная зурна
Еще тревожит дрему сливы.
И так мелодия стройна!
Как дева юная с кувшином!
Так полногрудая весна
Спать не дает седым вершинам,
Когда от лунного ключа
Она несет тугую влагу,
Замкнув луну в изгиб плеча...

1986 г.

15

Душа вдруг сделалась светла,
Как ваза с чистою водою
Зеленоватого стекла.
И ей, рожденной для цветов,
И легким маревом букета
Уже готовой встретить лето,
Когда горячею пятою
Оно растопит воск полов,
Так сладко ждать его без слов
Вдвоем с вишневою тишиною.

1988 г.

Такая девушка —
Как спица!
И цаплеватая,
Как птица,
И сизоока,

Как синица,
А платьице ее
Из ситца...
Ну чем мне с нею
Расплатиться
За эту радость —
Насладиться
Движеньем локким
Длинных ног?!
В моем кармане
Нет пшеницы,
Я не ношу с собой
Пшено...
Лишь дома у меня — вино,
Пшено залитое водицей
И булка хлеба из
пшеницы,
Да одинокое окно...
Что ж — заманю ее туда...
Погаснет пусть закат, а
свечи
Наполнят колебаньем
вечер...
И пусть глядит в окно
звезда.

1988 г

* * *

Полусон,
Полуявь,
Холодок...
Кровь неслышно
По жилам крадется.
Марли обморок...
Кто-то смеется,
Словно встав
На хрустящий ледок...

Занемелая боль узнаванья..
Неужели я снова живу?
Будто ветка
В февральском дрожанье
Окунувшись
Разок
В синеву.
Это белый
Сухой
Потолок.
Это рана
Забытая
Тянет.
Это мутного солнца
Глоток
В запотевшем
Подали
Стакане...

1989 г.

ТОМСК.

У ВИННОГО МАГАЗИНА НА ОБРУБЕ

Еще февраль, но солнце отстоялось.
В надтреснувшем горшке цветет герань.
И до весны осталось — только малость —
Оконной рамы бухнувшая грань.

Ах как томительно, и длинно, и тягуче
Исходит жизнь в заклеенном тепле!
Уж улица оделась льдом плакучим,
И день несет блаженство на челе.

Сей влагою пропитанный прохожий
С улыбкою, блуждающей у губ,
Никак не справится с какой-то странной дрожью,
Сходив удачно на Обруб.

1989 г.

* * *

Купы лип, валторны мягкий голос.
Парк окутан искристым парком.
Завитое раковинной соло
Развевалось влажным ветерком.

Грезилось, что где-то рядом море
Говорит соленым языком,
И в его рыбацком разговоре
Каждый звук приятен и знаком,

Будто сохнут иль в починке сети,
Пахнет тиною и зеленью пучин,
И следят обветренные дети
Паруса зыбучих бригантин.

1989 г.

20

БАЗАР

Азийской розою среди верблюжьих глин,
Средь спин верблюжьих и колючих грядок
Цветет базар, свой разбросав порядок —
Здесь лампа и чалма, халва и Алладин,

Гранатовый узбек, лавашный осетин,
Цыган, сверкающий стеклянными глазами,
Цыганка нищая, бренчащая деньгами,
Осел и фокусник, и шелковый павлин...

И фрукты разные, уложенные сладко,
Дадут понять вам вдруг, что вот он — этот край,
Где персики, хурма... Где просто двери в рай!
Но вас пленит арбуз — откормленный и гладкий!

А вот оно — руно Колхиды золотой
Сюда из-за морей доставлено на лодке...
Барашек молодой... Шашлык уж спрыснут водкой...
И в дымке даль плывет... И берега ищет Ной.

А с неба льется зной
И жжет, как сок в лагмане,
С улыбкой вежливой раскосые дунгане
Торгуют длинною лапшой...

1989 г.

21

* * *

Вокзальных залов
Затхлое тепло...
А у перрона
Морда тепловоза
Приткнулась
Тяжело, нервозно
Дрожа от холода и ожидания...
Когда же тронемся?!
Чтоб время потекло...
Нет-нет!
Не струйками скорее,
А глотками,
Какими пьют в буфете
Чай холодный —
Порой без сахара,
Но с близкими гудками...
С прогоркшим в спешке
Маслом бутербродным,..
Пора бы тронуться —
Хоть с места!
Хоть рассудком!
Чтоб с высоты
Воздушных переходов
Вдруг замахали
Гольими руками
Груженные баулами
Гимнасты.
1990 г.

22

* * *

Зеленый чай
Неспешно
Пьют,
Не трогая
Костей
Игральных.
Опять весна.
На сердце цвет
Миндальный.
Над влажной глиной
Ласточки
Снуют.

1990 г. .

23

С птичьего базара, с лестничной ли клетки,
С розовых морозцев раннею весной —
Ах, моя синица, ах, моя кокетка!
Ты ко мне явилась. Что же, Бог с тобой!

Тянется все к морю, тянется все кверху,
К набережной прежней — в пах береговой...
Ну, а нам хотя бы с тополевою веткой
Птичью жизнь сладить, да... И, Бог с тобой!

Ну куда ты рвешься?! — Это ж, страшно думать,
Это ж птичий рынок! — Это не для нас!
Далеко ль до драки в толчее и шуме,
В гомоне и в ГУМе, и в смешенье рас!

И какое дело вспухшему асфальту
До твоих взволнованных ноздрей —
Это ж пахнет небом, занесенным с Мальты
Под ногтями хищных якорей.

1991 г.

24

* * *

Эта муть — впопыхах прожитого,
Как круги по осенней воде...
Умерев, будем вместе мы снова,
Иль уже никогда и нигде.

Мы другие... Конечно, не те мы!
Но смотри-ка — как цепко в стекле
Ухватились за жизнь хризантемы
В лиловоюще - зимнем тепле!..

1993 г.

25

* * *

Однажды добрым зимним днем
Два бородатых тополя —
Тот за водой, тот за углем
Вдоль наших окон топали.

Но поприветствовав забор,
Присели на завалинке
Для пустячка — на разговор,
Чтоб отдохнули валенки...

Да папиросочку размять,
Обувкою хвалясь,
Да былъ с враньем перемешать,
Друг к дружке притулясь.

1994 г.

ОСТЕРВЕНЕВШИЕ СТРИЖИ

* * *

Газон, как призывник, острижен,
И на виске его — порез...
И где-то в небе, вновь подвижен,
Свистит июльский стеклорез.

Осколки режутся в паденье
И распечатают зной,
Как прыщ, до белого каленья
Сжимавший желтый жирный гной.

Но чад жары и запах тленья
От перерезанной травы
Ноздрями ем до помутнения
И до потери головы.

Когда и я лишь в лётном шлеме
С резцами крыльев наголо
К стеклу небес прижму чело,
Снедаем жгучим нетерпеньем.

Когда ж ублюдками у блюда
В моей крови, устав кружить,
Прогоркшей синью поперхнутся
Остервеневшие стрижи?

1992 г.

ГОРОД

Громады спального района
Прессуют и вальцуют сны,
Поршнями вталкивая в лона
Бензинную струю весны.

Сырая ртуть глубокой ночи
Льет на дороги мертвый свет,
И в темных высях теле-очи
Смыкает теле-минарет,

И все грузится в кутерьму
Слепых сцеплений и сношений —
В зачавкавшую смазкой тьму
Конвеерных кровосмешений...

Лишь в едком дыме химзавода
Упрямый факел не уснет...
Да заметавшись, вдруг замрет
Истошный вой водопровода...

1986 г.

ГРЕБНОЙ КАНАЛ В ОКТЯБРЕ

Соревнования по гребле
Среди октябрьских невзгод —
Как будто на засохшем стебле
Раскрылся снова огород
С малиной, с вишней, с лопухами..
С людьми различнейших пород..
И весла частыми гребками
Поспешно рушатся гребцами
В пучину помрачневших вод.

1987 г.

* * *

Здравствуй, убыль
И гибель сугробов!
Здравствуй, запах смолистый
Сосновых стволов!
Здравствуй, лоно земное —
Земная утроба,
Боль головная и..
Крестообразность
Телеграфную даль стерегущих
Столбов!

Здравствуй, синий,
Голодный и нищий
Новый воздух
Мятежных времен!
То не Ты ль
Материшься и свищешь
В грубом шелке
Казенных знамен?
И меня прямо в сердце толкая,
И со мною один на один —
Ты мой брат, Ты мой Брут, Ты мой Каин-
В белом скрежете авиа-льдин!

1988 г.

ПОЭТУ

Вот дар пронзительных небес —
Прозрачная твоя цикада,
Пролив отвесную прохладу,
Тревожит клавишинный лес...
Вот пыл таинственных светил
Пыль золотую образует...
Но все что с жизнью нас связует —
Лишь трепет ломких крыл...

Пусть брашном мы обнесены,
Нам христарадничать не надо —
В тенетах нищенской весны
Мы просто солнцу просто рады!..

1990 г.

МОЛЧАНЬЕ

*...И пены бледная сирень В черно-
лазуревом сосуде. О с и п
М а н д е л ь ш т а м*

Ты вновь из пены родилась...
И словно спелый апельсин,
Светило норовит упасть
С колен сомлевших Апеннин
Сюда — за полдень наш покатый,
Где час любой — благословен,
А море зычно и крылато
Волнует раковины плен...
Его ты переходишь вброд,
Придерживая свой подол
Над свежестью лазурных вод,
Над накипью янтарных смол...
Не знаю, как тебя назвать.
Томлюсь неведеньем разъятый.
Но что за Божья благодать —
Теченье меда угадать
В тягучем золоте заката!

1990 г.

* * *

Уж дрова в белых печках жгут,
В сенцах лед похрустывает тонкий.
Вот и осень...— Хочешь самогонки?
Здесь у нас ее, как воду, пьют.

Синий хрящ воздушного пространства,
Самолета хищный свист...
Посмотри-ка! — Пал зеленый лист,
Словно жертва нищеты и пьянства...

Ну, а мы? — Не так ли мы замрем,
С грудью гниющею смешавшись?
Не допив и славы не дождавшись,
С ветки жизни в лужи упадем...

1990 г.

Овчарной ночи вызвезжен парок.
Ушанок лай. Тулупа жаркий бок.
Морозных сливок утренний глоток...
В тиши морозной нарезной шажок —
С молочной флягой прощуршали санки...
Во фляге темная вода.
Мужик в следах вчерашней пьянки...
Но что похмелье?! — Не беда!
Пока тепла в подполье брага,
Что косит брата и врага,
Пока, как финская бумага,
Белы окрестные снега,
Пока в сосновой колыбели
Так миротворно спит страна,
Повитая новьем метели,
Но пахнет смертью новизна...
Влетает в сени к нам она
Бумажной телеграфной птицей —
Повесткою, газетною страницей,
Талонами на мыло, сахар, на...
На рынках пуганных, в заплеванных пивных
Какою-то колотится истомой,
И корчится, схватив удар поддых...
А жизнь бежит от дома к дому —
Облава мчит в каретах вороных!

1990 г.

* * *

Посвящается Томску

Как будто в розвальнях тебя везут, Афина!
Да именем совсем другим зовут...
И лишь в толпе глаза немого сына
Тоской звериною цветут —

Себя б не выдать, душу б не продать—
Шуршат полозья и шумят вершины...
Скользишь, сжимаясь под сукном мышиним,
В зловещую сугробов благодать,

И не хранит тебя — повержен гордый мрамор,
Тепла масличного не шлет тебе весна,
Вокруг тебя и над бесчестьем храмов
Сосна да кедр, кедр да сосна...

1990 г.

АВГУСТ 91 ГОДА

И в приходе шулерской тусовки
Жгучим медом карточной игры
Запивай же Крымский жир икры —
Что — судьба?! — Лишь пальцев желтых
ловкость!

Пусть повеет свежестью и штормом!
Рыбным плесом! Плеском. Рыбим кормом.
Легкой смертью. Мокрой резедой...
Пригвожденной звездной высотой!

Но когда весь мир уже на бочке —
В рукавах, продувших в карты, бурь —
Ни туза! Ни облачка! Ни точки...
Лишь одна берлинская лазурь.

1991 г.

* * *

Вот — крушенье листьев,
Как паденье Рима —
Лес зияет остовом триремы...
Всюду осень...
И вода из шлема
Дарит привкус
Ржавчины и дыма.

Вечер косо
нарезает
тени.

Вновь остуда.
Синь уводят в
плен. Ах, возьми же солнце
на колени!

Или...
Подыми его
с колен!

1991 г.

Простиранные с синькой небеса,
Под ними кровли жухло серебристы,
Равнины выбиты и вычесаны чисто,
И среди равнин легчайшие леса...

Дозволь теперь аптекарским весам
По грану выдать мха и изумруда,
И счастья глупого, и творческого зуда...
Дать воздуха лечебным корпусам!

Ну, вот и Ты, наверно, сможешь жить —
Глотком воды — вернувшимся дыханьем,
Как верба желтая, ожившая в стакане,
Как ото сна отнявшаяся спать.

1991 г.

* * *

На заре авиаторства
Треск и блеск неожиданных молний.
Шлемы плотно сидят
На округлых и злых головах.
А в растяжках поет
Свою песню мальчишеский страх...
Но запекшись ознобно
Синева на упрямых губах...
И пергамент дрожит
На древесных стрекозых крылах!
Гладиаторы!
— Небо выходит на бой!
Чтобы пасть...
Чтоб отпрянуть и пасть
Под плескание дамских оваций,
Пораженное вдруг авиацией,
Устрашившись бензиновых паров...
После — фото на память
На фоне трофейных небес.
Вот вам дамы рядом,
Вот военные с жгучею жаждой чудес,
Вот сам фокусник с облака
С крыльями наперевес,
Как исчадие рая,
Несущий пропеллерный крест.

Спрятав нежные руки
В раструбы внушительных краг,
И в консервы очков
Запаяв голубые глаза,
Он как будто следит —
Не хоронится ль где-либо враг,
Чтоб врага поразить,

Как порою врагов поражает гроза!
Только вешняя бешенность
Пышно торчащих усов
Выдает в нем романтика, в общем-то,
с доброй душой.
Так порой его взгляд затуманен бывает слезой...
Может, чуть грубоват, может, не острослов,
Но безумно горящийся хищной и
ломкой
Своей стрекозой.

1992 г.

РУССКИЙ РОМАНС

Что-то лето нынче затуманилось
До корней распущенных волос,
И любви сырое пламя занялось,
Да слобиться нам не довелось...

Ни в малине ярой, ни в калиннике
Нам банкнот зелененьких не мять —
У состава жесткого и длинного
Рядом с провожатыми стоять...

Ой, прогулка вышла б соколиная!
Да тюрьма опять берет своё...
Аи, фуражечки мышинные!
Дервянное цевьё...

1989 г.

ЗИМА

Питеру Брейгелю

Зимы дымящейся фаянсовый сосуд.
Суп в белой супнице, судак на синем блюде...
Каток свистящ, и необычно люден...
И... наконец! Цымлянское несут!

Хрусталь и серебро, и скатерти крахмал,
И в галстуках тугих торжественные лица.
А воск свечей так желт, что хочется молиться...
Но солнцем розовым уж полон твой бокал!

И розовая кровь находит путь по жилам
К губам, к щекам, к белкам солоно-синих глаз,
И ясен всем соленый их приказ —
Салазки вниз скользят, и не кричать нет силы...

Как тянутся к сосцам измаявшихся сук,
Вконец намучавшись, отнятые щенки,
Так губы тянутся ко льду озябших рук,
К божественному льду плавающей щеки...

Зима томительна... А суд гражданский пуст.
И что истцам? — Ответчики бегут!
Их лыжи смазаны, коньки по льду влекут!
Лишь пар срывается с лукавых алых уст.

1992 г.

ИСКУШЕНИЕ ВЕСНЫ

В талых омутах томных очей
Плещет алчное пламя азарта:
Вновь тасуют крапленые карты
Пальцы ласковых палачей —

К даме червей от дамы червей —
Рвет червленую ленту рассвета
Череп черной почтовой кареты,
Запряженной гуртом журавлей,

И... уж щерится, хищно щурясь,
Из овечьих прокисших шкур
То ли кучер курчавей амура,
То ли сам непотребный амур...

И не знаю — испить ли чашу
Или внять помыканьям смычка...
Не похожи ль на локоны
Ваши Локоны лучника с облучка?

1993 г.

ИСКУШЕНИЕ ОСЕНИ

Оседая на дно с вышины,
Не расслышали Божьего слова,
И теперь разжевать не готовы
Пашню серой сырой тишины...

Под слоистой водой исчезая,
В пыльном омуте тень звонаря
Норовит оборвать якоря,
Мертвой зыбью пространство качая..,

Реку утра багром обагря,
Не ищи колокольных проушин —
Молодыми зубами надкушен
Золотой розмарин октября...

1993 г.

МАРГАРИТА

1

Я люблю Тебя, Маргарита!
Как любой армянин — Арарат!
В этом смысле он мне соплеменник и брат
Мое сердце, как чаша Кавказа, разбито!

Ты теперь далека!
Как снега,
Как гора
Над изгноенным в пыль Ереваном!
И Тебя, как в шелка,
Одевает жара
В темно-синие тени Сарьяна...

До Тебя далеко, но как близок порой
Твой желанный, мучительный холод!
Да, теперь Магомет —
сокрушительно молод —
В безмятежном объятье
с горой...

1988 г.

46

2

Давно привычная война
Идет с обыденностью гнусной,
Когда из видов всех искусства —
Убийству высшая цена.
И снайпер, словно ювелир,
В прицел ощупывает глазом
На дне воздушного топаза
Так сладко спящий хрупкий мир,
И дорогие груды гор
Он гладит пальцами сухими —
Вот спит Тбилиси, вот Сухуми,
Армении прямой пробор...
Кипят Арагви и Кура
Все той же склокой вековую
И беспощадное «ура»
Уносят с пылью фронтовой...
И обнаженные вершины
Подходы к небу сторожат,
И бородатые мужчины
Едят с кавказского ножа...
А там, где место Еревана,
Глубоко в сердце у меня
Зияет стреляная рана,
И льется, душу леденя,
Войны голодное вино...
И словно оловом облита,
Бредет с дровами Маргарита,
Меня забывшая давно.

1994 г.

Литературно-художественное издание

Правда Андрей Только горсть

МОЖЖЕВЕЛОВЫХ ЯГОД...

Стихи

Редакторы С. Самойленко, С. Донбай

Ведущий редактор А. Ибрагимов

Сдано 15.11.94. Подписано к печати 21.02.95. Формат 60X84/32. Бумага типографская. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. д. 1,4. Усл. кр.-отг. 1,46. Уч.-изд. л. 1,19. Тираж 500 экз. Заказ № 3048. Цена свободная. Творческая мастерская АЗ. Государственный университет. 650099, г. Кемерово, ул. Красная, 6. Кемеровский полиграфкомбинат. 650099, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5